

УДК 343.98

**КРИМИНОГЕННАЯ РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ
В АСПЕКТЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ
ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

© 2019 г.

В.Д. Никишин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва

Nikishin.v.d@mail.ru

Поступила в редакцию 01.03.2019

Рассматриваются экстремистские речевые действия через теорию судебных экспертиз, теорию государства и права и теорию конфликта с целью с актуализации понятий, имеющих значение для формирования диагностических комплексов и, соответственно, решения диагностических экспертных задач в рамках судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности. Методом от общего к частному анализируются концепты «конфликт», «социальный конфликт», «речевой конфликт» через понятие «противоречие», а также дифференцируются понятия «конфликтная ситуация» и «конфликтогенная ситуация». Предложено авторское определение понятия «речевой конфликт» в аспекте судебного речеведения и криминалистики. Предлагается разделение речевых конфликтов на сопряженные и не сопряженные с проявлением агрессии, вводится понятие «криминогенная речевая агрессия» и дается его дефиниция. С точки зрения теории государства и права предлагается дефиниция экстремистских речевых действий. Обосновано разграничение понятий «речевой акт» и «речевое действие», а также рассмотрено соотношение понятий «речевой конфликт» и «юридический конфликт». Полученные результаты имеют значение для методического обеспечения судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности, т.к. способствуют унификации системы экспертных понятий и дают почву для разработки новых подходов к судебно-экспертному исследованию продуктов речевой деятельности через концепт «криминогенная речевая агрессия».

Ключевые слова: судебное речеведение, криминалистика, судебная экспертология, судебная лингвистическая экспертиза, речевое действие, речевой конфликт, речевая агрессия, криминогенная речевая агрессия, экстремизм, экстремистские преступления.

Современное информационное общество характеризуется ростом ксенофобских настроений, увеличением контента экстремистско-террористической направленности, в связи с чем растет потребность правоприменителя в использовании специальных знаний по делам, связанным с противодействием словесному религиозному экстремизму. В данной статье предпринята попытка рассмотреть концепт словесного экстремизма через теорию конфликта.

Существует множество подходов к определению понятия «конфликт». Мы разделяем позицию А.В. Дмитриева и Т.В. Худойкиной, которые рассматривают конфликт через концепт «противоречие», определяя противоречие как одно из необходимых условий конфликтной ситуации [1, 2].

По верному замечанию А.Г. Бахтановой, «конфликтом является противоречие, которое из объективного, потенциально возможного превратилось в субъективное и реально, фактически существующее, достигшее сферы интересов» [3, с. 253].

Стоит отметить, что некоторые ученые отождествляют понятия «социальное противоречие» и «социальный конфликт»: например, с точки зрения субъектно-деятельностного подхода социальный конфликт – это разрешаемое социальное противоречие, это социальное противоречие на стадии его реального разрешения [4, с. 20].

Конфликт как высшую стадию развития конфликтной ситуации следует отличать от конфликтогенной ситуации. Под конфликтогенной ситуацией понимается потенциально конфликтная ситуация, ситуация, содержащая предпосылки возможного конфликта.

Таким образом, социальное противоречие составляет содержание именно конфликтогенной ситуации. В разрезе темы настоящей статьи речь идет о противоречиях во взглядах: не просто о различиях в картинах мира, а об их несовместимости (антагонизме) ввиду наличия стереотипов и предубеждений хотя бы у одной из сторон конфликтогенной ситуации.

Стереотип – это утверждение, основанное на моделировании характерных признаков общно-

сти «свои» (автостереотип) и общности «чужие» (гетеростереотип).

Предубеждения – это предрассудок, предвзятость, негативный аттитюд (установка) к лицу или группе лиц. Предубеждения могут вытекать в том числе в дегуманизацию, т.е. непризнание человеческого статуса за объектом дегуманизации – представителем (-ями) определенной социальной группы (что выражается в унижении достоинства человека или группы лиц).

В качестве вида социального конфликта мы рассматриваем речевой конфликт.

Речевые действия, включенные в состав речевых правонарушений, далеко не всегда предполагают активные действия обеих сторон конфликта, зачастую социальный конфликт эксплицируется в речевую деятельность одной из сторон конфликта, например призывающей к экстремистской деятельности в отношении определенной социальной группы или обосновывающей такую деятельность. Потенциально возможна ответная реакция другой стороны социального конфликта, но для признания речевого конфликта состоявшимся, на наш взгляд, достаточно выражения конфликтогенного мнения и его обоснования хотя бы одной из сторон социального конфликта. В.С. Третьякова справедливо указывает, что «речевой конфликт имеет место тогда, когда *одна* из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п.» [5, с. 281]. В.С. Третьяковой предложена следующая дефиниция речевого конфликта: «неадекватное взаимодействие в коммуникации субъекта речи и адресата, связанное с реализацией языковых знаков в речи и восприятием их, в результате чего речевое общение строится не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства» [5, с. 281].

В аспекте судебного речеведения и криминалистики **речевой конфликт** (речевая конфликтная ситуация) понимается нами как экспликация социального конфликта в речевую деятельность как минимум одной из сторон данного конфликта, заключающаяся в выражении конфликтогенного мнения и его обоснования в форме дискредитирующего (негативного) мнения.

Один из основателей конфликтологии как научной дисциплины – Г. Зиммель рассматривал конфликт «не просто как столкновение интересов, но и как выражение враждебности, неизбежно присущей людям и их отношениям» [6].

В этой связи следует говорить о том, что речевой конфликт может быть сопряжен или не сопряжен с проявлением агрессии.

Р. Бэрн и Д. Ричардсон, рассматривая субъекта агрессии, выделяют следующие категории агрессоров [7, с. 225]:

1. Потенциальные агрессоры, чьи «личностные черты, индивидуальные установки и склонности... остаются неизменными вне зависимости от ситуации».

2. «Нормальные» личности, склонные, однако, к потере самоконтроля под воздействием сильного возбуждения и т.д.

3. Экстремисты – «мужчины и женщины, проявляющие агрессию либо крайне часто, либо в крайних формах».

Р. Бэрн и Д. Ричардсон отмечают, что «поведенческие реакции индивидуума зависят также от его установок и внутренних стандартов» [7, с. 225], акцентируя, что различные формы предрассудков (предубеждений) являются одними из наиболее важных установок, порождающих агрессию.

По верному утверждению Д. Брендта и К. Пирса, «вербализованные формы насилия – это распространенная форма коммуникации, в результате которой человек испытывает негативные психологические последствия, которые по своей природе могут быть еще более разрушительными, чем физическая агрессия» [8, с. 71–78]. Такую форму коммуникации психологи выделяют в отдельный вид агрессии – вербальную (речевую) агрессию.

Среди лингвистов нет единства мнений в отношении дефиниции понятия «речевая агрессия». Например, Е.Н. Басовская определяет агрессию как «наступательное доминирующее речевое поведение» [9, с. 257–263], Р.К. Потапова – как «антидиалогические отношения» [10, с. 20–22], Т.А. Воронцова – как «речевой акт, заменяющий агрессивные физические действия» [11].

Для настоящего исследования представляет интерес рассмотрение речевой агрессии как вида агрессивного поведения человека.

По мнению М.Н. Кожинной, речевая агрессия – «использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [12].

М.Н. Черкасова определяет речевую агрессию как «интенциональное авторское действие, направленное на объект, заключенное в культурно-национальную специфику коммуникации и конструируемое определенным образом подобранными языковыми средствами (лексика, интонация, способ организации высказывания и т.д.). Целью данного действия является коммуникативное подчинение адресата, осуществление коммуникативного давления на него, ста-

билизация или коррекция ситуации в пользу адресанта с демонстрацией превосходства адресанта» [13].

З.Б. Баучиева приводит следующую дефиницию речевой агрессии: «агрессивное вербальное поведение, которое нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между оппонентами, провоцирует социальные конфликты» [14].

Речевые конфликты (а точнее, речевые действия, т.е. экспликация конфликта в продукты речевой деятельности), сопряженные с агрессией, могут нарушать социальные нормы (как минимум, нормы морали), наиболее острые формы речевой агрессии подлежат криминализации (юридизации), в связи с чем следует говорить о речевых правонарушениях, в объективную сторону состава правонарушения которых включена речевая агрессия (оскорбление, возбуждение ненависти или вражды, призывы к экстремистской или террористической деятельности и т.д.).

Для обозначения такой агрессии мы предлагаем ввести понятие «**криминогенная речевая агрессия**», под которой нами понимается процесс и результат экспликации деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний в продукты речевой деятельности с целью причинения другому лицу морального или физического вреда, в том числе путем угроз, коммуникативного давления на адресата, демонстрации превосходства адресанта и т.д.

Криминогенная агрессия представляет собой угрозу информационной (мировоззренческой безопасности), т.к. является неотъемлемым атрибутом следующих феноменов современного сетевого информационного общества: активизация антиконституционных настроений, идей национализма, неофашизма, религиозного экстремизма т.п.; вербовка несовершеннолетних в радикально настроенные группы и деструктивные сообщества; пропаганда культуры андеграунда, культура насилия и жестокости; троллинг; травля (кибербуллинг); популяризация суицидального поведения (в т.ч. группы смерти); деструктивная пропаганда с использованием контента «фанфикшн»; клевета, умаление чести, достоинства, деловой репутации, оскорбление граждан и юридических лиц, кибертроллинг, унижение по признакам социальной принадлежности, дискриминация и поражение в правах по признакам языка, пола и другим социобиографическим данным, из-за физических недостатков (диффамация, дискриминация, унижение, издевательство, фейкинг и т.п.).

В условиях существующей иллюзии анонимности и вседозволенности цифровой среды коммуникации, интернет-пространства, соци-

альные сети, форумы и иные платформы всемирной компьютерной сети Интернет все больше становятся криминогенной и конфликтной средой, что требует разработки современных подходов к регулированию коммуникации в цифровой среде.

Как видно, речевые правонарушения – речевые действия, сопряженные с криминогенной речевой агрессией, представляют угрозу широкому кругу общественных отношений и могут быть предметом разбирательства и в уголовном, и в гражданском, и в административном процессе. Речевые правонарушения можно разделить на речевые преступления (например, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти или вражды, оскорбление чувств верующих, клевета и т.д.), административные речевые правонарушения (например, оскорбление) и гражданско-правовые речевые деликты (например, распространение порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений).

Опираясь на понятие и признаки правонарушения, разработанные в рамках общей теории государства и права (прежде всего на труды Т.Н. Радько [15]), а также на концепцию судебного речеведения, разработанную Е.И. Галяшиной [16], В.В. Макашова предлагает следующую дефиницию речевого правонарушения: «это представляющее собой юридический факт виновное противоправное речевое деяние (действие или бездействие) людей, достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли (т.е. действие, возникшее в результате целенаправленной речемыслительной деятельности и выраженное вовне), причинившее вред другим субъектам права» [17].

Опираясь на определение речевого правонарушения В.В. Макашовой и описанный нами выше концепт криминогенной агрессии, мы предлагаем следующую дефиницию **экстремистских речевых действий**: это представляющие собой юридические факты виновные противоправные действия, возникшие в результате целенаправленной речемыслительной деятельности и выраженные вовне в продуктах речевой деятельности, содержащих криминогенную агрессию, направленную на обоснование или оправдание социального насилия, угроз его совершения, а также призывов к нему.

Фактически равным по содержанию выступает понятие «словесный (вербальный) экстремизм», являющееся собирательным и рассматривающее экстремистские речевые действия как совокупность – как деятельность.

В разрезе темы настоящей статьи базовый признак криминогенной агрессии – деструктив-

ная интенция – лежит в плоскости обоснования или оправдания религиозно мотивированного социального насилия, угроз его совершения, призывов к нему или унижения человеческого достоинства в связи с религиозной идентичностью объекта агрессии.

В рамках судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности решение диагностических задач связано с установлением **диагностических комплексов**, соответствующих определенным экстремистским речевым действиям («побуждение к осуществлению экстремистской деятельности»; «обоснование необходимости осуществления экстремистской деятельности»; «оправдание необходимости осуществления экстремистской деятельности»; «унижение человеческого достоинства лица (группы лиц) в связи с его религиозной идентичностью»). В каждом из упомянутых диагностических комплексов выделяется такой компонент продукта речевой деятельности, как «предмет речи», в который входит **объект криминогенной речевой агрессии** – а) группа лиц, выделяемая по признаку религиозной идентичности или ее представитель (-и) или б) общественно-государственный порядок (публичные интересы). При этом используемое нами понятие «общественно-государственный порядок» охватывает общественные отношения, являющиеся объектом правонарушений экстремистско-террористической направленности согласно УК РФ и КоАП РФ (за исключением прав и свобод человека и гражданина): общественная безопасность и общественный порядок, конституционный строй и безопасность государства, мир и безопасность человечества.

В связи с тем что материнской наукой для судебной лингвистической экспертизы является лингвистика, а в ней получила свое развитие теория речевых актов Остина (имеющая прикладное значение и для исследования материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности), эксперты-лингвисты оперируют и понятием «речевое действие», и понятием «речевой акт», зачастую отождествляя их. Например, О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж в своей работе «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» пишут: «Речевое действие, формируемое одной прагматической целью, чаще всего называется в лингвистической семантике речевым актом» [18, с. 82].

На наш взгляд, необходимо разграничивать вышеупомянутые понятия: концепт «речевой

акт» необходим для лингвистического анализа продуктов речевой деятельности, и вполне допустимо использовать данное понятие в экспертной практике, однако понятие «речевое действие», на наш взгляд, наполнено чисто юридическим содержанием, отражает объективную сторону соответствующего правонарушения, поэтому не рекомендуется к употреблению в языке эксперта, т.к. установление объективной стороны правонарушения (оценка речевого действия) входит в компетенцию суда, а не эксперта.

Юридизация некоторых форм речевой агрессии ставит вопрос о соотношении концептов «речевой конфликт» и «юридический конфликт».

А.М. Говоруха определяет юридический конфликт как «противостояние субъектов, в котором спор так или иначе связан с правоотношениями сторон (их юридическими правами и обязанностями), а сам конфликт влечет юридические последствия» [19, с. 27–32]. Мы разделяем точку зрения В.Н. Кудрявцева о том, что «для признания конфликта юридическим необходимо, чтобы хотя бы один из его элементов» обладал правовыми признаками: «субъекты либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия» [20].

В разрезе преступлений, охватываемых понятием «словесный экстремизм» (создание и распространение продуктов речевой деятельности экстремистско-террористической направленности) речь может идти только об абсолютных правах и обязанностях (право на недискриминацию, честь, достоинство и т.д.), т.к. для данных речевых конфликтов и необязательна персонализация второй стороны конфликта (адресанта продукта речевой деятельности), он может быть определен как социальная группа, выделяемая по определенному признаку.

В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко полагают, что юридический конфликт есть вторичное образование от социального конфликта, который становится юридическим, если стороны конфликта нарушают ту или иную норму права [21].

Кроме того, если исходить из аксиомы о том, что любой социальный конфликт как общественные отношения, урегулированные правом, есть конфликт юридический, речевые конфликты, сопряженные с криминогенной агрессией, соотносятся с юридическими конфликтами как частное и целое.

Проведенный анализ концепта речевой агрессии и экстремистских речевых действий через парадигму теории конфликта позволил актуализировать понятия, имеющие значение для формирования диагностических комплексов и, соответственно, решения диагностических

экспертных задач в рамках судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности, что будет способствовать совершенствованию методического обеспечения данного рода экспертиз, т.к. способствуют унификации системы экспертных понятий и дают почву для разработки новых подходов к судебно-экспертному исследованию продуктов речевой деятельности через концепт «криминогенная речевая агрессия».

Список литературы

1. Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000.
2. Худойкина Т.В. Юридическая конфликтология в условиях государственно-правовых и общественных преобразований в России: постановка проблемы, теоретические и социологические аспекты // Сибирский юридический вестник. 1998. № 3.
3. Бахтанова А.Г. К вопросу о понятии юридического конфликта // Вестник ТГУ (Гуманитарные науки. Право). 2011. № 6 (98).
4. Светлов В., Семенов В. Конфликтология. СПб.: Питер, 2011.
5. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2004. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-konflikt-i-aspekt-yego-izucheniya-1> (дата обращения: 25.12.2018).
6. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.
7. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001.
8. Brandt D.C., Pierce K.J. When is Verbal Abuse Serious? The Impact of Relationship Variables on Perceptions of Severity, 2000. URL: https://www.uwlaw.edu/urc/jur-online/PDF/2000/Brandt_and_Pierce.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
9. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
10. Потапова Р.К. Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы Второй междунаро. научн. конф. «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». М.: МГЛУ, 2014.
11. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск; Челябинск: Удмуртский гос. ун-т, 2006. 250 с.
12. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2006. 696 с.
13. Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: Монография. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.
14. Баучиева З.Б. Речевая агрессия и пути её преодоления // Электронный научный журнал. Современные проблемы науки и образования. № 2 (часть 1). 2015 г. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20740> (дата обращения: 20.09.2018).
15. Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2011. 752 с.
16. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: Монография. М.: СТЕНСИ, 2003.
17. Макашова В.В. Речевое действие как правонарушение: Монография. М.: Ред.-изд. центр, 2014.
18. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ, 2011.
19. Говоруха А.М. Понятие и основные технологии управления юридическими конфликтами // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации / Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону). 2016.
20. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт: процедуры разрешения. М., 1995.
21. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д, 2001. 480 с.

CRIMINOGENIC SPEECH AGGRESSION FROM THE PERSPECTIVE OF FORENSIC EXAMINATION OF THE MATERIALS OF EXTREMIST AND TERRORIST NATURE

V.D. Nikishin

This article considers extremist speech actions through the theory of forensic examination, the theory of state and law, the theory of conflict. The aim is to update the concepts relevant to the formation of diagnostic sets and, accordingly, to solving diagnostic expert tasks in the framework of forensic examination of the materials of extremist and terrorist nature. Using the general-to-specific method, the author considers the concepts of «conflict», «social conflict», «speech conflict» through the notion of «contradiction», and differentiates the concepts of «conflict situation» and «conflict-potential situation». The author proposes his own definition of the concept of «speech conflict» in terms of forensic speech study and forensic science. Speech conflicts are divided in the article into those related and unrelated to aggression. It is proposed to introduce the concept of «criminogenic speech aggression»; its definition is given. In terms of the theory of state and law, the author proposes a definition of extremist speech actions. The article substantiates the distinction between the concepts of «speech act» and «speech action», and also considers the relationship between the concepts of «speech conflict» and «legal conflict». The obtained results are important for the methodological support of forensic examination of extremist and terrorist materials, since such findings contribute to the unification of the system of expert notions and provide the basis for the development of new approaches to the forensic examination of products of speech activity through the concept of «criminogenic speech aggression».

Keywords: forensic speech study, forensic science, forensic expertology, forensic linguistic examination, forensic linguistics, speech action, speech conflict, speech aggression, criminogenic speech aggression, extremism, extremist offenses.

References

1. Dmitriev A.V. *Konfliktologiya*. M., 2000.
2. Hudojkina T.V. *Yuridicheskaya konfliktologiya v usloviyah gosudarstvenno-pravovyh i obshchestvennyh preobrazovanij v Rossii: postanovka problemy, teoreticheskie i sociologicheskie aspekty* // *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. 1998. № 3.
3. Bahtanova A.G. *K voprosu o ponyatii yuridicheskogo konflikta* // *Vestnik TGU (Gumanitarnye nauki. Pravo)*. 2011. № 6 (98).
4. Svetlov V., Semenov V. *Konfliktologiya*. SPb.: Piter, 2011.
5. Tret'yakova V.S. *Rechevoj konflikt i aspekty ego izucheniya* // *Yurislingvistika*. 2004. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoj-konflikt-i-aspekty-ego-izucheniya-1> (data obrashcheniya: 25.12.2018).
6. Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen uber die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.
7. Beron R., Richardson D. *Agressiya*. SPb.: Piter, 2001.
8. Brandt D.C., Pierce K.J. *When is Verbal Abuse Serious? The Impact of Relationship Variables on Perceptions of Severity*, 2000. URL: https://www.uwlax.edu/urc/jur-online/PDF/2000/Brandt_and_Pierce.pdf (data obrashcheniya: 15.10.2017).
9. Basovskaya E.N. *Tvorcy chernobel'noj real'nosti: o verbal'noj agressii v sredstvah massovoj informacii* // *Kritika i semiotika*. 2004. Vyp. 7. S. 257–263.
10. Potapova R.K. *Social'nosetevoj diskurs kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* // *Materialy Vtoroj mezhdunarod. nauchn. konf. «Diskurs kak social'naya deyatel'nost': priority i perspektivy»*. M.: MGLU, 2014.
11. Voroncova T.A. *Rehevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo*. Izhevsk; Chelyabinsk: Udmurtskij gos. un-t, 2006. 250 s.
12. Kozhina M.N. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka*. M.: Flinta, 2006. 696 s.
13. Cherkasova M.N. *Rechevye formy agressii v tekstah SMI: Monografiya*. Rostov n/D: Rost. gos. un-t putej soobshcheniya, 2011. 123 s.
14. Bauchieva Z.B. *Rehevaya agressiya i puti eyo preodoleniya* // *Elektronnyj nauchnyj zhurnal. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. № 2 (chast' 1). 2015 g. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20740> (data obrashcheniya: 20.09.2018).
15. Rad'ko T.N. *Teoriya gosudarstva i prava*. M.: Prospekt, 2011. 752 s.
16. Galyashina E.I. *Osnovy sudebnogo rechevedeniya: Monografiya*. M.: STENSI, 2003.
17. Makashova V.V. *Rechevoe dejstvie kak pravonarushenie: Monografiya*. M.: Red.-izd. centr, 2014.
18. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoj psihologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodejstviem ekstremizmu*. M.: RFCSE, 2011.
19. Govoruha A.M. *Ponyatie i osnovnye tekhnologii upravleniya yuridicheskimi konfliktami* // *Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v XXI veke: Materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii ad"yunktov, kursantov i slushatelej vuzov MVD Rossii, aspirantov i studentov obrazovatel'nyh organizacij, posvyashchennoj 55-letiyu Rostovskogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii / Rostovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii (Rostov-na-Donu)*. 2016.
20. Kudryavcev V.N. *Yuridicheskij konflikt: procedury razresheniya*. M., 1995.
21. Kas'yanov V.V., Nechipurenko V.N. *Sociologiya prava*. Rostov n/D, 2001. 480 s.